

Дмитрий Торшилов

“Миф моей жизни”: письмо Якова Голосовкера Андрею Белому

The Myth of My Life: A Letter from Iakov Golosovker to Andrei Bely

Iakov Golosovker developed the theme of the mythologization of autobiography in a manner that was close to the Russian Symbolists (see his *My Life Myth*). The proof of this is in his unpublished letter to Andrei Bely, which can be dated to 1921, the time when they were both members of the Moscow ‘Vol’fila’. It is possible that their meetings and creative ties in the late 1920s resulted in the image of Christ visiting a modern town in Bely’s *Petersburg* and Golosovker’s *Burned novel*.

Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967) вырос и получил образование филолога-классика и философа в Киеве, где издал первую книгу стихов *Сад души моей* (Голосовкер 1916), а затем, перебравшись в Москву, занимался преподавательской деятельностью и вращался в кругах, близких к московским символистам: он преподавал, в частности, в организованном В.Я. Брюсовым Высшем литературно-художественном институте (Шмидт 1998: 4), участвовал в деятельности московского отделения ‘Вольфила’ (см. ниже).

Поэзия и проза самого Голосовкера, переводчика Гельдерлина, пожалуй, близка даже не символистам, а их

предшественникам, – немецким романтикам; с символизмом его роднит то, что образы *Сожженного романа* (Голосовкер 1998: 23–72) или *Сказаний о титанах* (Голосовкер 1955), претендуя на предельную обобщенность, явно понимаются автором как живые воплощения философских идей. Сам Голосовкер называл такой коррелят символа “смыслообразом”, и описывал его в своей философской книге *Имагинативный абсолют* (Голосовкер 2012: 150 и далее); “Имагинативный абсолют” являются одновременно теорией мифологии, и в этом Голосовкер тоже может показаться скорее прямым наследником позднего Шеллинга и фило-

софии немецкого романтизма, чем собственно символистов, исходивших из Ницше и Владимира Соловьева, а потом зачастую из Р. Штейнера.

Другая традиционная тема символизма, 'творчество жизни', из которой вытекает мифологизация автобиографии, так же не чужда Голосовкеру. С характерной для него лапидарной простотой и одновременно напряженностью чувства она выражена в неоднократно издававшемся наброске *Миф моей жизни* (например: Голосовкер 1998: 15–22), где жизнь одинокого романтика сводится к драме образной мысли, воплощенной в нескольких этапных произведениях, созданию которых принесено в жертву все остальное; а высоты безысходной трагедии эта драма достигает за счет того, что сами эти произведения, их единственные рукописи, безвозвратно погибли в огне.

О своем темном "гераклитовском пути" (огонь – стихия, которую Гераклит считал первоначалом) Голосовкер говорит уже и в начале 20-х в публикуемом письме, где также развивает 'автобиографический миф' (и даже два автобиографических мифа – Белого и собственный). Уже при-

сутствует даже тревога за сохранность своих рукописей.

Письмо не датировано, но его содержание в сопоставлении с записью Белого из *Ракурса к дневнику* делает датировку почти бесспорной: сентябрь 1921 г., начало знакомства. Запись Белого гласит: "Заседание у Нилендера, организующее московскую 'Вольфила' (Столяров, Бердяев, Новомирский, Нилендер, С.М. Соловьев, И.З. и А.З. Штейнберги, Голосовкер, Петровский', еще кто-то)" (Белый 2016: 469).

---

¹ Владимир Оттонович Нилендер (1883–1995) – филолог–классик, переводчик, друг Андрея Белого (по приезде из Берлина в 1923 г. Белый вначале остановился у него); Михаил Павлович Столяров (1883–1937) – переводчик, видный деятель московского Антропософского общества; Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – философ; Новомирский (настоящее имя Яков Исаевич Кирилловский, 1882 – после 1936) – анархо–синдикалист, ученый секретарь московской 'Вольфила'; Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) – поэт–символист, филолог–классик, переводчик, ближайший друг Андрея Белого; Аарон Захарович Штейнберг (1891–1975) – философ, публицист, один из виднейших деятелей петроградской 'Вольфила'; Исаак Захарович Штейнберг (1888–1967) – его брат, видный член партии левых эсеров; Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – библиограф, переводчик, антропософ, ближайший и постоянный друг Андрея Белого.

Описание Голосовкером Белого на этом заседании (“Вы сейчас совсем разорванный, сам не свой. Когда вчера я смотрел на волхвов и волхвянок, так приятно для себя обсасывающих Вас, мне хотелось втиснуться в стену [...]”) похоже на другие сведения о Белом во второй половине 1921 г., незадолго до отъезда из России (сначала из Москвы в Петроград, потом в Берлин через Ковно [Белый 2016: 469]). О скором отъезде Голосовкер тоже упоминает. Из письма ясно, что он хорошо знаком с творчеством Белого, но лично они не знакомы; посредником между ними является С.М. Соловьев, друг Белого на протяжении всей жизни и, как и Голосовкер, филолог-классик и переводчик с классических языков. Подтверждает датировку и упоминание *песен Атаны*, писавшихся в 1920–1921 гг. (Брагинская 1998: 608). Ответа на письмо, по видимому, не было и продолжения переписка не получила. Белый вскоре отбыл в Петроград, а потом пробыл два года (1922–1923) в Берлине. Голосовкер не принимал участие в ближайших после сентябрьского мероприятия московской ‘Вольфилы’, хотя впоследствии участвовал в ее деятельности (Белоус 2005: 200,

ср. 210, 217, 220) и читал доклады, в том числе связанный с его будущей книгой *Достоевский и Кант* (Белоус 2005: 226; Голосовкер 1963). Затем Голосовкер также уезжал в Германию, но, в отличие от Белого, вращался там не в среде русской эмиграции, но продолжал классическое образование у немецких профессоров, тогда лучших в мире в этой области (Каждан 2010: 45; Шмидт 2010: 473).

В конце 20-х знакомство продолжилось: Голосовкер 4 раза был у Белого в Кучине:

17 февраля 1927 г.: Приезд Голосовкера. Разговор с ним.

5 марта 1927 г.: Был Голосовкер; беседа с ним.

11 января 1928 г.: Был Голосовкер.

18 января 1928 г.: Был Голосовкер. Беседа с ним втроем (с К.Н.²). Читал отрывки “поэмы” (Белый 2016: 494, 495, 507, 508).

Белый не упоминает Голосовкера в известных произведениях и письмах, но судя по тому, что визит не стал одно-

---

² Клавдия Николаевна Бугаева (1886–1970), жена Белого.

кратным, посещения не были ему неприятны³.

Точно неизвестно, какую именно “поэму” Голосовкер читал Белому и К.Н. Бугаевой во время последнего визита, но вполне вероятно, как и предполагают комментировавшие *Ракурс к дневнику А.В. Лавров и Дж. Малмстад*, что это была не поэма (отчего Белый и поставил слово в кавычки), а “роман–поэма моей зрелости *Запись Неистребимая*”, как назвал его сам Голосовкер в *Мифе моей жизни* (Голосовкер 1998: 18), где она называется вторым (из трех) этапных произведений, из которых складывается этот миф. Речь идет о написанной в 1925–1928 гг. и как раз законченной ко времени посещений Кучина первой (погибшей) редакции *Сожженного романа*, рассказывающего о посещении Христом советской Москвы 20–х гг. “Исус” Голосовкера, “невиданный дядя в белом халате” (Голосовкер 1998: 58) или “лунный призрак с взлохмаченной головой: че-

³ Хотя он так и не запомнил, как пишется фамилия его нового знакомого, – в *Ракурсе к дневнику* она систематически пишется “Колосовгер” (как и фамилию близкого друга и важного спутника творческой деятельности, М.О. Гершензона, Белый всегда писал “Гершенсон” [см. Белый, Гершензон 2000: 233]).

ловек–в–белом”, “явление–в–белом”, “чудило–в–белом” (Голосовкер 1998: 63–65), бродящий по тюрьмам, кабакам и пустырям советской Москвы, конечно, имеет непосредственным предшественником неназванного прямо Христа, “белое домино”, “кого–то печального и длинного”, являющегося в *Петербурге* Белого среди городского ландшафта Софье Петровне Лихутиной, чтоб “вывести” ее “из ада” (т.е. с бала у Цукатовых) и даже вызвать извозчика, а потом, на прощание, начать проповедь: “Вы все отрекаетесь от меня: я за всеми вами хожу” (Белый 2004: 172–173).

“Отрекаются” от голосовкерского “Исуса” и обе дамы, которых он “изводит из ада”, представленного в куда более прозаических красках, чем бал у Цукатовых (хотя первая дает шоколадку); и сам Исус выглядит и ведет себя существенно проще и прозаичней, чем у Белого⁴.

Таким образом Белый, как и в 1921 г., оставался для Голосовкера желанной аудиторией, адресатом того, что он писал, и товарищем по тому “герак-

⁴ О связи *Сожженного романа* Голосовкера и написанного позднее *Мастера и Маргариты* М.А. Булгакова см. (Угольников 2014; Граф 1998; Чудакова 1991 и др.).

литовскому пути”, который мы приблизительно называем ‘мифологизированной автобиографией’. Мы не знаем, как Белый отреагировал на *Запись Неистребимую*, но в его последнем сборнике стихов, *Зове времен*, законченном в начале 30-х и в основном состоящем из переделок старых стихов, среди многочисленных новых стихотворений появляется образ Христа, к которому он не возвращался со времен второй редакции *Петербургa*, и он проще и приземленней, чем в *Петербурге*:

В хмарь
 Волну
 Волос
 Взвивая, –
                   – Шел
                   Христос,
                   Отряся
                   Века, –
                   – Ста-
 рый
                   Фо-
 нарь,
                   Луну,
                   Бро-
 сая, –
 И –
 Разбивая
 Об
 Облака (Белый 2006:
 358).

Наконец, привлекает внимание описание места, где Иусу Голосовкеру бродит под луной “в гриве нависающих на лоб и плечи волос” и останавливает группу насильников: на окраине (тогдашней) Москвы, так что там застройка уже сменяется огородами и свалками, на берегу Москвы–реки (так что путники перекиваются с одного берега на другой), “под монастырской стеной” с башнями (Голосовкер 1998: 62–63). До и после поездки в Германию Белый жил на Бережковской набережной, напротив Новодевичьего монастыря, от которого туда к ней можно было переправиться на лодке (дождавшись ее), и местность там была точно такой:

[...] напротив Новодевичьего монастыря [...] белыми стенами древнего монастыря [...] Москва-река, через которую можно было достигнуть города самым ближним путем. Даже на лодке можно было ее переплыть. У завода своя лодка и есть человек, приставленный для переездов. Можно сказать, рукой подать к монастырю [...] Но попробуйте без лодки. А лодку надо было заказывать зара-

нее. [...] В 1923 году эта набережная была глухим захолустьем [...] Путь проходил по маломодным и подозрительным местам. Там и днем были возможны неприятности. С наступлением темноты, особенно в темные осенние вечера, было просто опасно: могли раздеть и ограбить, если не хуже... [...] пустыри и огороды, [...] На пустырях, возле этих строений с утра до позднего вечера посиживали, вольготно полеживали и праздно толклись весьма подозрительные личности обоюбого пола. Нередко здесь распивалось 'согревающее' из зеленых бутылок. Вслед вам могло прозвучать и 'материнское благословение' (Зайцев 2008: 48–49)⁵.

Переселившись на Бережковскую набережную, Белый надолго приходил туда, под стены Новодевичьего, один (вероятно, ждаль лодку): "со службы же отправляюсь за Девичий Монастырь, дабы 2-ую

часть дня провести в тишине" (Белый, Алянский 2002: 98). Возможно, об этом ландшафте между Белым и Голосовкером тоже шла речь.

Я.Э. Голосовкер – Андрею Белому⁶
Сентябрь 1921 г.

Еще слишком чужой я для Вас, Борис Николаевич, чтобы Вы слышали меня – но и не совсем чужой. В глубине, на поворотах, в зорней и зазорней близи – у меня там синие молнии – есть у нас родное, сородное или как там хотите. Я это чувствую, знаю, плотью осязаю.

Еще десять лет назад, когда Вы перепрыгивали стены – через все свои симфонии, я стоял неподвижно у стены – моей, единой – и слушал. Вы уже мучились, неистовствовали – я молчал. <Копии?> Молчания (у Вас – "<пиавки?>"): Вашим заговорят. И как! – загорающимися молниями. (Это же риторика!)

⁵ Ср. у самого Белого: "Среди пустыря, отделяющего мой дом от Москвы, грабят по вечерам" (Белый, Иванов-Разумник 1998: 256).

⁶ Автограф хранится в: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 173. В угловых скобках с вопросительным знаком – слова, которые не удалось разобрать уверенно.

И только два года назад перепрыгнул и я мою стену. Нас тогда уже разделяло пространство и пути на нем.

Ушел в горы. У меня свой путь – темный, гераклитовский. Не могу выразиться проще. У Вас – σοφία⁷. Кто она? Каков Ваш гнозис? т.е. каков Вы живой – этого я пока не знаю: не дышал с Вами. Ошибусь ли, если назову точку, около которой Вы сейчас кружитесь: *Divina simplicitas* (конечно – не *sancta!*)⁸ Через эту точку проходит ось Вашего бешеного вращения, и Вы хотите схватить (даже схватываете) свою же ось и растворить ее во всем живом – т.е. в себе живом прежде всего: так овладевают Софией. Влейте в нее образ любимой женщины и “Она” воплощенная сходит. Тут не откровение, ибо схождения никакого отсюда сюда нет: “она” вся здесь, как и Вы весь здесь.

---

⁷ Греч. “мудрость”, София.

⁸ Божественная простота (конечно, не “святая”!) (лат.). Голосовкер обыгрывает латинскую поговорку *sancta simplicitas*.

Яснее не выразить существа мысли. Но тем, что его выражаю и так выражаю (если верно для Вас) определяется возможность в “X^M” моменте (именно “моменте”: время, а не пространство) совпадения Вашей и моей точки. Если скаламуришь: я попал в точку. Такое сродство вызывает обыкновенно два чувства: гнева и радости.

Гнева: кто-то другой мыслит – переживает – как я (что и богу своему не прощается, этого и бог не прощает – не простите и Вы мне).

А радость? – есть кто-то, кто так же думает – чувствует – как я: санкция истины (смысл бога). Это не только примиряет, это торжество. Хочется даже воскликнуть свою маленькую осанну. Пока все только пунктир. *Mea parte*⁹. Но если Вы читали и не просто “читали” (если вообще читали) песни Атаны (рукопись)¹⁰, Вы почув-

---

⁹ С моей стороны (лат.).

¹⁰ *Песни Атаны* – неизданный сборник стихов Голосовкера, писавшийся в 1920–1921 гг. от лица вымышленного поэта, безумного Атаны; см. о нем (Брагинская 1998: 608).

ствовали бы нечто от своей глубины. Там все писано кровью. Что там плохо – неважно, пусть. Важно – что хорошо. Я не манифестирую. Манифест есть и должен быть: но пока я удержал его у себя. Намек дан.

Вы сейчас совсем разорванный, сам не свой¹¹. Когда вчера я смотрел на волхвов и волхвянок, так приятно для себя обсасывающих Вас¹², мне хо-

телось втиснуться в стену или взяв Вас за руку вывести на “темные стогна града”¹³. Поэтому и пишу. Впрочем, не только поэтому: писать легче, тверже выходит. Что больше <-> скажу. Якоб Голосовкер¹⁴

P.S. Обе рукописи (тревожит меня предчувствие – черновики не совпадают¹⁵) передайте, если сами возвратить не можете, С.М. Соловьеву¹⁶ на мое имя. Если они не с Вами, напишите просто в записке где они, у кого получить. <Переживете,?> читая (если дадут читать) письмо, то, что я

¹¹ Ср. описание выступления Белого в 1921 г., данное П.С. Коганом, в передаче М.И. Цветаевой (конечно, обобщенное, а не документальное, и преувеличенное, но выражающее примерно то же): “Потому что уморили Блока и меня хотят! Я не дамса! Я буду кричать, пока меня услышат: ‘А-а-а-а!’ Бледный, красный, пот градом, и такие страшные глаза, еще страшнее, чем всегда, видно, что ничего не видят” (Цветаева 1995: 254).

¹² Ср. описание самим Белым того, как он чувствовал себя в ‘Вольфиле’: “[...] я как вол заработал в нашей Петербургской ‘Вольфиле’; [...] за меня там цеплялись десятки душ, которых я приобщал к ‘самопознанию’: меня буквально выпили; и, выпитый, я кинулся обратно в Москву, потому что уже не мог давать ничего людям (в Петербурге я прочел до 60 лекций), опять попадая в Москву и опять окруженный криком: ‘Дай, дай, дай, дай духовной пищи!’ [...] не легко было эту пищу давать, потому что я-то ни от кого не получал ничего... [...] работая безумно много, до нервного изнеможения [...]” (Белый 2013: 522–523). Письмо написано из Ковно, где-

то через месяц после описанного Голосовкером заседания.

¹³ Выражение из стихотворения А.С. Пушкина *Воспоминание* (“Когда для смертного умолкнет шумный день...”), которое Достоевский повторяет в описании встречи Христа с Великим инквизитором, эпизоде, объяснению которого и посвящена книга Голосовкера *Достоевский и Кант* (и, вероятно, был посвящен доклад в ‘Вольфиле’, см. вступ. статью).

¹⁴ Голосовкер обычно подписывался именно “Якоб” (Шмидт 1998: 4).

¹⁵ О предчувствии см. вступ. статью. Упоминание черновики не очень ясно, но нужно иметь в виду, что по замыслу Голосовкера, стихотворения Атаны сохранились только в черновиках (см. прим. 9).

¹⁶ См. о Соловьеве выше.

– урвете лоскут времени,
чтобы поговорить до
отъезда.

Адр. Арбат, Криво-
арбатский 12 кв. 8 IV
этаж направо.

Библиография

Белоус 2005: В.Г. Белоус, *Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924: в 2-х кн.*, Модест Колеров и “Три квадрата”, М., 2005, кн. II. Хроника. Портреты.

Белый 2004: Андрей Белый, *Петербург*, подг. Л.К. Долгополова, Наука, СПб., 2004.

Белый 2006: Андрей Белый, *Стихотворения и поэмы: в 2-х т.*, вступ. ст., сост., подг. текста и прим. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада, Акад. Проект, СПб., Прогресс–Плеяда, М., 2006, т. 2.

Белый 2013: Андрей Белый, *Три письма Андрея Белого <В.Ф. Ходасевичу>*, подг. текста Е.В. Наседкиной, комм., послесл. Н.А. Богомолова // М. Л. Спивак, Е.В. Наседкина (сост.), *Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты*, Новое литературное обозрение, М., 2013, с. 517–549.

Белый 2016: Андрей Белый, *Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов*, М., 2016 (Литературное наследство, т. 105).

Белый, Алянский 2002: Андрей Белый и С.М. Алянский, пред. и публ. Дж. Малмстада // *Лица. Биографический альманах*, 9, СПб., 2002, с. 67–115.

Белый, Гершензон 2000: *Переписка Андрея Белого и М.О. Гершензона*, вступ. ст., публ. и комм. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада // В.Е. Аллой, Т.Б. Притыкина (сост.), *In teteriam: Ист. сб. памяти А. И. Добкина*, Феникс, СПб., Atheneum, Париж, 2000.

Белый, Иванов–Разумник 1998: *Андрей Белый и Иванов–Разумник. Переписка*, публ., вступит. ст., комм. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Atheneum, Феникс, СПб., 1998.

Брагинская 1998: Н.В. Брагинская, *Слово о Голосовкере* // В.А. Лекторский (ред.), *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1920–50–е годы*. М., 1998, с. 603–611.

Голосовкер 1916: Я.Э. Голосовкер, *Сад души моей*, тип. АО “Петр Барский в Киеве”, Киев, 1916.

Голосовкер 1955: Я.Э. Голосовкер, *Сказания о титанах*, Детгиз, М., 1955.

Голосовкер 1963: Я.Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант*, Изд. Академии Наук СССР, М., 1963.

Голосовкер 1998: Я.Э. Голосовкер, *Засекреченный секрет. Философская проза*, Водолей, Томск, 1998.

Голосовкер 2012: Я.Э. Голосовкер, *Имагинативный абсолют*, Академический проект, М., 2012.

Граф 1998: А. Граф, *Сожженный роман Я.Э. Голосовкера в контексте Легенды о великом инквизиторе Ф. Достоевского и романа М. Булгакова Мастер и Маргарита*, «Slavica tergestina». 1998, 6, с. 125–144.

Зайцев 2008: П.Н. Зайцев, *Воспоминания*, сост.: М.Л. Спивак, вступ. ст., комм. М.Л. Спивак, Дж. Малмстада и др., Новое литературное обозрение, М., 2008.

Каждан 2010: А.П. Каждан, *Памяти Якова Эммануиловича Голосовкера* // Я.Э. Голосовкер, *Избранное: Логика мифа*, Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, СПб., 2010, с. 451–454.

Письмо Я.Э. Голосовкера Андрею Белому // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 173.

Угольников 2014: Ю.А. Угольников, *Происхождение Мастера: Как Михаил Афанасьевич беседовал с Яковом Эммануиловичем*, «Вопросы литературы», 2014, 3, с. 78–90.

Цветаева 1995: М.И. Цветаева, *Пленный дух* // *Воспоминания об Андрее Белом*, сост., вступ. ст. В.М. Пискунова, Республика, М., 1995, с. 236–282.

Чудакова 1991: М.О. Чудакова, *Иисус и Иешуа: о внутренней связи романов М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита” и Я. Э. Голосовкера “Сожженный роман”*, «Дружба народов», 1991, 7, с. 136–141.

Шмидт 1998: С.О. Шмидт, *О Якобе Голосовкере* // Я.Э. Голосовкер, *Засекреченный секрет. Философская проза*, Водолей, Томск, 1998, с. 4–14.

Шмидт 2010: С.О. Шмидт, *О Якове Эммануиловиче Голосовкере*
// Я.Э Голосовкер, *Избранное: Логика мифа*, Центр гуманитарных
инициатив: Университетская книга, СПб., 2010, с. 473–481.

